

Борьба съ сектантствомъ въ Балашовскомъ уѣздѣ.

(Процессъ хлыстовъ).

Изъ старого уголовнаго дѣла Саратовскаго Окружнаго Суда.

1869—1872 гг.

V.

Становому приставу 2 ст. Балашов. у. удалось установить кочующій об-разъ жизни хлыстевскаго наставника Порфирия Петровича Катасонова: онъ то и дѣло разъѣзжалъ по своей «духовной паству», но останавливался то въ с. Уваровѣ, Борисоглѣбскаго у., то въ Аѳанасьевскихъ хуторахъ, Тамбовскаго у.,

гдѣ для общаго моленія была приспособлена рига, то, наконецъ, на родинѣ своей въ с. Переозѣ, Кирсановскаго уѣзда, въ домѣ брата его Павла Петровича Катасонова; на воротахъ этого дома нарисованъ былъ сапогъ; сзади дома садъ, а на огородѣ аглицкая вѣтряная мельница. Катасоновъ среди сельскаго населенія этой округи пользовался широкой популярностью и вездѣ былъ желаннымъ гостемъ.

Задержанный въ Афанасьевскихъ хуторахъ и доставленный въ г. Балашовъ, главный вдохновитель хлыстовъ Иорфирій Петровичъ Катасоновъ, представлялъ собою, по словомъ очевидца, бывш. тов. прокурора Н. Н. Минха, далеко недюженную личность: мощная старческая фигура, умное выразительное, плутоватое лицо, окаймленное сѣдой длинной бородой, сѣрые проницательные глаза, словомъ, вся его наружность сразу выдѣляла его изъ толпы и вызывала въ нему довѣrie со стороны простого нафантазированнаго народа.

Судебному слѣдователю Каблукову онъ охотно рассказалъ свою жизнь съ ея фантастическими приключеніями и «чудесами». „Урожденецъ я села Переозы, Кирсановскаго уѣзда,—началь Катасоновъ—но живу большую частью въ Афанасьевскихъ хуторахъ; здѣсь я занимаюсь хлѣбопашествомъ и сѣнными покосами. Теперь я вдовъ и одинокъ. Грамотенъ. Вѣроисповѣданія православнаго; правила и обряды церкви выполняю неукоснительно. Подъ судомъ былъ за распространеніе хлыстовской секты, но наказанію не подвергался. Съ малыхъ лѣтъ жилъ я въ с. Переозѣ, въ кучерахъ у помѣщика Михайла Любимовича Житкова: потомъ дакеемъ у уѣзднаго судьи въ г. Борисоглѣбскѣ, Павла Васильевича Мосолова. Въ 1831 году случилось чудо: схватила меня холера и я лежалъ въ саду больной, обреченный на смерть, и просилъ Бога: «Господи! пусти душу на покаяніе—все брошу, не буду грѣшить!» и внялъ Господь молитвѣ моей и я выздоровѣлъ. Съ тѣхъ поръ я не пью вина, не употребляю мяса и даже рыбы и пошелъ я въ послушники въ наставнику хлыстовской секты—Аббакуму Ивановичу Копылову. Теперь мы, какъ отъ царя въ книжкахъ названы, „Тамбовскіе постники и богомольцы. *) По смерти Копылова мы называемся дѣтьми. Его родной сынъ, Филиппъ Аббакумовичъ, а духовный я, Перфиль Петровичъ. Жилъ я у своего отца духовнаго въ работникахъ около 3-хъ лѣтъ. Когда Аббакумъ умеръ, то у меня съ Филиппомъ произошелъ религіозный споръ о догматахъ вѣры. Филиппъ откололся отъ вѣры своего отца и пошелъ по вѣрѣ царя Давида; называется эта вѣра «прыгунами», а я остался въ вѣрѣ отца Аббакума, секта эта называется «хлыстами». Полагаю, что не болѣе 20 л. самостотельно занимаюсь я проповѣданіемъ нашей секты, соблюшая всѣ посты и всѣ уставы, что нашимъ учениемъ объясняются; напримѣръ, въ теченіи первого года, по смерти отца нашего Аббакума, я постился три раза: первый разъ четыре недѣли, въ это время въ полдень сходили ко мнѣ нечистые духи и нещадно били меня часа и два: второй разъ постился я въ великой постѣ, всѣ семь недѣль ни пилъ, ни ёлъ, на этотъ разъ сходила ко мнѣ съ небесе манна (духъ съ небесе) въ видѣ дыма, по слаще сахару и меду. Затѣмъ предо мною разверзлись небеса, свѣтъ непостижимый явился

*) Катасоновъ, повидимому, назвалъ такъ какую либо литературу о сектантахъ

мнѣ ночью: рай и муки представились моему взору! волею становится дыбомъ, слыша ангельское пѣніе на небеси! Звонъ дивный несется съ неба! А какъ разговѣлись на Свѣтлое Христово Воскресеніе, меня уже стали кормить Афанасьевскіе люди и такъ кормили цѣлую ведѣлю. На Фоминой недѣли Богъ сподобилъ меня видѣть покойнаго отца моего по плоти Петра Ивановича—кузнеца, онъ былъ по поясъ въ мѣкѣ (въ аду) и я слышалъ гласъ, приказывающій мнѣ поговорѣть за отца еще три недѣли (ради его освобожденія изъ ада), что я въ точности и исполнилъ—это былъ третій постъ. Въ это время глаза мои не моргали; я не могъ говорить и меня поворачивали съ боку на бокъ; стали меня посѣять этого поста, какъ малаго ребенка, учить: сидѣть, стоять и ходить; словомъ, я возродился въ новой жизни. Первый постъ я постился у Ефима Кузьмича, кр-на помѣщика Садомцева, проживающаго въ Афанасьевскихъ хуторахъ; второй постъ у Ивана и Михайла Трифоновыхъ и дяди ихъ, нынѣ новойнаго, Госифа Тимофеева, проживающихъ тамъ же; у нихъ же постился я и третій постъ. Помощницами моими, ухаживавшими за мною во время третьяго поста, были Агафія Осиповна и дѣвушка Авдотія Максимова. Изъ Прав. Сената чрезъ наше Ржаксинское волостное правленіе я получилъ три медали: одну бронзовую, одну бѣлую и одну мѣдную, за то, что я посыпалъ туда чрезъ людей денегъ 50 руб. сереб. Медали эти теперь мною потеряны. Богомъ я себя не почитаю и едвали почитаетъ меня имъ кто либо изъ моихъ учениковъ; ' почитаютъ и называютъ они меня: пастыремъ, наставникомъ и батенькой. Никакихъ вредныхъ правительству и церкви православной учений я не проповѣдовывалъ и не проповѣдуваю; поборовъ ни съ кого не беру и не назначаю. Людей стекается ко мнѣ очень много изъ разныхъ мѣстъ, но кто былъ на Троицу изъ Балашовскаго у., я не знаю; не знаю также и объ убийствѣ женщины Целагеи Швецовой".

Судебный слѣдователь, выслушавъ отъ Катасонова такое, полное бредовыхъ иллюзій, а можетъ быть и вымысла, «откровеніе», 28 іюля 1869 г. заноситъ въ свое постановленіе нижеслѣдующія строки: «Катасоновъ въ распространеніи хлыстовскаго толка безусловно сознался, при чемъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма, имъ высказаны такія невѣроятныя обстоятельства, которая на умъ людей необразованныхъ, несомнѣнно, могутъ вліять дурно, въ ущербъ истинныхъ религіозныхъ понятій по учению церкви православной, сообщая личности Перфила Петрова, въ глазахъ этаго народа извѣстнаго рода святость». При этомъ слѣдователь преступную цѣль Катасонова усмотрѣлъ также въ распространеніи имъ ложной молвы среди народа о высылкѣ будто-бы ему Прав. Сенатомъ за 50 руб. какихъ-то трехъ медалей. Этими мнимыми медалями, по мнѣнію слѣдователя, Катасоновъ стремился придать своей личности и своему учению въ глазахъ своихъ послѣдователей открытый официальный характеръ. Слѣдователь постановилъ: „заключить Катасонова въ Балашовскій тюремный замокъ, самому же отправиться въ Тамбовскій уѣздъ для совмѣстнаго дѣйствія съ мѣстнымъ судебнѣмъ слѣдователемъ, въ участкѣ коего находятся Афанасьевскіе хутора.“

Послѣднюю часть своего постановленія г. Каблукову осуществить почему-то не удалось. Явившись 2-го августа 1869 г. въ Афанасьевскіе хутора и прождавъ тамъ цѣлый день своего мѣстнаго коллегу, котораго онъ о своемъ

прибытии известилъ еще 21 июля, онъ вынужденъ былъ составить новое постановление о томъ, что Тамбовскій слѣдователь на условный дѣйствія не явился, а онъ, Каблуковъ, дѣйствовать самостоятельно въ чужомъ участкѣ не имѣть права. Внизу этого постановленія имѣется чья-то карандашная замѣтка: „отчего таѣ не имѣть права? значитъ, плохо знаетъ наказъ“.

Въ дѣлѣ имѣется годовой паспортъ Катасонова, выданный ему 4 мая 1869 г. № 61, Ржавчинскомъ вол. прав. Кирсановскаго у.; въ паспорте ему значится 71 годъ; роста 2 ар. 7 вер., волосы на головѣ, бородѣ и бровяхъ сѣдые, глаза сѣрые; въ числѣ особыхъ примѣтъ; на правой руке, на большомъ пальце поврежденъ ноготь.

Въ дѣлѣ имѣется также документъ, бросающій тѣнь на безкорыстіе «благочестиваго проповѣдника»—это прошеніе его родного брата Павла, адресованное на Высочайшее имя, гдѣ онъ, жалуясь на пристрастныя дѣйствія судебнаго слѣдователя Каблукова, невинно заключившаго Порфирия въ тюрьму, говорить, что Каблуковъ отобралъ отъ Порфирия 1000 руб. сер., принадлежащихъ ему денегъ, и просилъ брата освободить, а деньги возвратить. (Прошеніе это Павелъ Катасоновъ писалъ 24 января 1870 г. въ Саратовѣ, а временное пребываніе свое указалъ въ первоклассныхъ тогда номерахъ Савинова). Самъ Порфирій Катасоновъ ни раньше, ни позднѣе, ни о какихъ деньгахъ, будто бы отобранныхъ у него слѣдователемъ, не упоминалъ и никому на это не жаловался, да и слѣдователемъ нигдѣ онъ не отмѣченъ.

Тюрьма, куда былъ заключенъ Катасоновъ, произвела на него, повидимому, отрезвляющее влияніе: онъ тамъ не только не разсказывалъ ни о какихъ чудесахъ, но совершенно отрекся отъ причастности своей къ какой бы то ни было сектѣ; въ многочисленныхъ прошеніяхъ своихъ разнымъ начальствующимъ лицамъ, вплоть до Государя, онъ вѣтвенно утверждаетъ, что онъ жертва недоразумѣнія, что онъ истинно православный и никогда отъ православія не отпадалъ и т. д. Въ жалобѣ своей на имя Государя 12 января 1872 г. Катасоновъ, между прочимъ, говоритъ: „Я не отвергаю того, что я не отказывалъ иногда людямъ, приходившимъ ко мнѣ, побѣсѣдовать о душѣ. Но гдѣ это воспрещается? Самъ Спаситель нашъ въ притчѣ своей о талантахъ осудилъ нерадиваго слугу, зарывшаго вѣренный талантъ въ землю, за то, что онъ не оправдалъ этого довѣрія и не сдѣлалъ изъ него должнаго употребленія. Такъ и я, будучи вполнѣ христіаниномъ и при томъ же преклонныхъ лѣтъ, могъ ли отказать въ духовной пищѣ жаждущимъ ея? Между тѣмъ на меня возведено обвиненіе въ распространеніи хлыстовской секты, и я по этому обвиненію, неподтвержденному ни однимъ фактомъ, заключенъ въ тюрьму“.